

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.5>

Бирюкова Анна Борисовна

ГОРОДНИЧИЕ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА: ОТ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБРАЗОВ К РЕАЛИЯМ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

В статье анализируется социокультурный облик провинциальных градоначальников дореформенной эпохи, большинство из которых являлись отставными военными. Автор приходит к выводу о частичном соответствии литературных образов городничих их реальным прототипам. На материалах Среднего Поволжья и Заволжья показано, что в первой половине XIX века городничие сформировались как профессиональная группа, однако не сложилось профессиональное полицейское сообщество, основанное на общности интересов, профессиональных знаниях, единых этических стандартах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/1/5.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 27-32. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

13. Лохвицкий А. В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб., 1864. Ч. 1. 221 с.
14. Магницкий М. Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М.: Тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1835. 108 с.
15. Машурцев В., Пшенко А., Корнеев И. и др. Организация работы с документами. М.: Инфра-М, 2003. 592 с.
16. Морякова О. В. Система местного управления при Николае I. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 272 с.
17. Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России: в 2-х кн. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. Кн. 1. 140 с.

DOCUMENT HANDLING PROCESSES EVOLUTION IN DOMESTIC RESEARCHERS' WORKS OF THE XIX CENTURY

Bashkova Inga Sergeevna

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol
dissertation4777@gmail.com*

The article traces the formation and development of document handling and recordkeeping in the Russian Empire of the XIX century. The relevance of the study is determined by clerical documentation role in modern public administration, the efficiency of which depends directly on the workflow state. In this respect, the pre-revolutionary studies of historical traditions in domestic recordkeeping are considered important and relevant nowadays.

Key words and phrases: The Russian Empire; document handling; records management; M. L. Magnitsky; V. N. Weldbrecht; N. V. Varadinov; N. P. Likhachev; D. Ya. Samokvasov; A. V. Lokhvitsky; E. N. Anuchin; A. D. Gradovsky.

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 10.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.5>

В статье анализируется социокультурный облик провинциальных градоначальников дореформенной эпохи, большинство из которых являлись отставными военными. Автор приходит к выводу о частичном соответствии литературных образов городничих их реальным прототипам. На материалах Среднего Поволжья и Заволжья показано, что в первой половине XIX века городничие сформировались как профессиональная группа, однако не сложилось профессиональное полицейское сообщество, основанное на общности интересов, профессиональных знаниях, единых этических стандартах.

Ключевые слова и фразы: полиция; социокультурный портрет городничего; дореформенная эпоха; Среднее Поволжье и Заволжье; профессиональная группа; уездные города; литературные образы городничих.

Бирюкова Анна Борисовна, к.и.н., доцент

*Самарский государственный технический университет
annabir@mail.ru*

ГОРОДНИЧИЕ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА: ОТ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБРАЗОВ К РЕАЛИЯМ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Фигура городничего является во многом знаковой для дореформенной России. При этом, как справедливо отмечает литературовед А. Е. Козлов, «являясь олицетворением власти и вверенного ему города, городничий в литературе XIX в. становится карикатурным, анекдотическим персонажем» [15, с. 23]. Многообразие стереотипных образов провинциальных градоначальников представлено в творениях Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Как любой собирательный образ, фигура городничего в литературных произведениях обладает природой социального стереотипа. Несмотря на высокую степень субъективизма в стереотипе, его формирование не исключает когнитивной составляющей.

Поиск прототипов литературных персонажей приводит исследователей к необходимости обнаружить реальные локусы этих произведений. Ряд ученых связывают историко-географическое пространство литературных коллизий в творениях Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина с Поволжьем [20; 25], которое выступает своеобразным внутренним культурным фронтиром в ментальном пространстве эпохи. Безусловно, подобные изыскания представляют собой и литературоведческую, и краеведческую ценность. Однако они не отвечают на главный вопрос: можем ли мы утверждать, что описанные на страницах «Ревизора» и «Истории одного города» персонажи всего лишь химеры, не существовавшие в реальности, или же это задокументированные слепки эпохи, облаченные в одежды литературных героев и тем самым предложенные читающей публике под маской вымысла? Тем более что и в дореформенную эпоху существовали тысячи «русских чиновников, бедных и незнатных, верой и правдой служивших своей стране на всем пространстве огромной Империи, пробивавших силой своих способностей и трудолюбия дорогу к достойному положению обществу» [7, с. 9].

Целью настоящего исследования является изучение социокультурного облика городничих – одной из важнейших профессиональных групп, определивших вектор развития провинциальных городов в дореформенную

эпоху. В связи с этим следует проанализировать пути формирования профессиональной группы градоначальников, их материальное и правовое положение, круг повседневных забот, ценностные ориентиры, определившие их коммуникативные стратегии во взаимодействии с горожанами.

В новейшей отечественной историографии заметен устойчивый интерес к изучению правоохранительной системы Российской империи [6; 12; 16]. Однако в качестве самостоятельного предмета исследования провинциальные градоначальники выступают лишь в единичных публикациях (как правило, биографического характера) [5; 31; 33; 34], наиболее значимой из которых является статья Е. А. Детининой [11]. Отметим, что большинство исследователей по-прежнему обращаются к истории данной профессиональной группы в контексте изучения полицейских структур [6; 11; 12; 34]. В то же время важной научной задачей является изучение процессов социальной динамики в прединдустриальном российском городе и участия в них различных профессиональных групп, включая городничих.

Широкий охват территории (города Симбирской, Пензенской, Саратовской, Самарской губерний), а также привлечение разноплановых источников (мемуары, делопроизводственная документация, законодательные акты, материалы периодики) позволяют сделать выводы представленного исследования более фундированными.

Кадровое обеспечение являлось одной из ключевых проблем эффективного функционирования полиции в дореформенную эпоху. Основным каналом пополнения полицейских структур в провинции была армия. Если в начале XIX в. на должности городничего еще можно было встретить гражданского чиновника, то после Отечественной войны 1812 года подавляющее большинство градоначальников назначались на эти места через содействие Александровского комитета о раненых, учрежденного 18 августа 1814 года [18, с. 876]. В Пензенской губернии с 1815 г. по 1852 г. на должностях городничих и полицмейстеров служили 17 ветеранов Отечественной войны 1812 года [3, с. 183, 185]. Подобная же картина наблюдалась и в других регионах империи [4; 11; 12, с. 48-49; 33; 34].

Приведем лишь несколько примеров. Майор Савелий Мартынович (Сеитбаттал Муртазаевич) Дивлеткильдеев (Давлеткильдеев), служивший в 1812 г. в корпусе генерал-лейтенант П. С. Витгенштейна, после ранения вышел в отставку и был назначен сенгилеевским (1817 г.), затем самарским городничим (1818 г.). Впоследствии он занимал должность бугурусланского, а позднее стерлитамакского и бирского земского исправника [4, с. 216; 10, д. 7667, л. 5]. Другой ветеран Отечественной войны 1812 года – А. Т. Цыплатников – с конца 1840-х годов был городничим Бузулука (1848 г.), Бугуруслана (1854 г.), Ставрополя (1859 г.) [4, с. 216]. Сызранским (с 1816 г.), а затем курмышинским городничим был Никита Зиновьевич Софонов (Сафонов), сражавшийся под Тарутино [24, д. 71, л. 10; 25 с. 248]. С 1814 г. до 1822 г. на должности городничего сначала в Петровске, а затем в Царицыне трудился бывший малоярославецкий городничий (1811-1813 гг.) Петр Иванович Быков. В 1812 году при наступлении французов он приказал сжечь мост через реку Лужу и оставался в Малоярославце «до последней невозможности» [Цит. по: 31]. Петр Иванович и на новом месте службы проявил себя как «отличный городничий» [8], «излавливал многих беглых людей и дезертиров», а также «беглых делателей фальшивых ассигнации» [Цит. по: 31].

Большинство городничих имели ранения разной степени тяжести: бузулукский городничий штабс-капитан Ф. А. Лукин был ранен в заграничном походе русской армии «ядром в левую ногу с отрывом пальцев»; бугурусланскому городничему поручику Ф. Ф. Гротгусу «император лично разрешил носить вместо шляпы фуражку из-за ранений в голову; Нижнеломовский городничий штабс-капитан М. Ф. Данцов не владел правой рукой после ранения пушечной картечью [3, с. 47; 11, с. 38]. Неспособные нести военную службу, они уходили в отставку с полным или частичным пенсионом, пополняя ряды смотрителей тюремных замков или провинциальных градоначальников.

Государство хотя и подчеркивало гражданский характер полицейской службы, но признавало, «что служба полицейская сама собой подходит некоторым образом к военной» [Цит. по: 6, с. 132], что, в свою очередь, предполагало некоторые льготы. В частности, с 1810 г. за полицмейстерами и городничими закреплялись полученные в армии чины. Однако многочисленные правонарушения, совершавшиеся самими полицейскими, а также несоответствие кандидатов занимаемым должностям вынудили правительство ввести испытательный полугодовой срок для претендентов на должность градоначальника и ужесточить их чиновничество (1831 г.). В 1835 году вышел именной указ, согласно которому «дабы удастаиваемы были к сему только те полицмейстеры и городничие, кои послужат в сих должностях не менее 5 лет, и по особым отличиям будут достойны назначения по армии или кавалерии» [Цит. по: Там же, с. 132, 134].

Ценностные ориентиры, модели поведения и методы управления градоначальники заимствовали из армейской среды, которая во многом определяла их социокультурный облик. Переход бывших офицеров в гражданскую службу проходил, по-видимому, далеко не всегда гладко. Аберрантное поведение многих служителей порядка, проявляющееся в повышенной агрессивности, склонности к применению насильственных методов управления, может быть объяснено сложным процессом адаптации боевых офицеров к новым условиям существования.

Будучи в уездном городе важнейшим представителем коронной администрации, многие городничие позиционировали себя не как служители закона, а как источник власти. Так, В. А. Дзичканец – участник партизанского движения, назначенный после войны на должность сенгилеевского городничего, «будучи человеком честным... не брал взяток, но он был очень вспыльчив, не понимал и не признавал других законов, кроме военных, и смотрел на *свой* Сенгилей как на завоеванный город» [21, с. 152].

Следует отметить, что в целом криминогенная обстановка в городах Поволжья оставалась относительно спокойной, большинство разбойничьих шаек концентрировалось в уездах. При этом в волжских городах

(Самара, Сызрань и др.), где приток населения в связи с интенсификацией торговой жизни был весьма значителен, создавались благоприятные условия для расцвета бытовой преступности. Особенно заметен ее рост был на фоне исторических катаклизмов – войн, холерных пандемий и пожарных эпидемий 1830-1840-х годов.

Так, в 1812 году самарский городничий И. А. Второв отмечал следующее: «В городе, по многолюдству жителей, особливо по множеству бурлаков пристающих к нему на плывущих вверх и вниз по Волге судам и лодкам, случались ежедневно разные происшествия: драки, ссоры, воровство, которые должен я был разбирать словесно или производить следствие» [23, д. 24, л. 282 об.]. Иван Алексеевич старался избегать крайних мер в отношении самарской разудалой публики.

Однако методы управления Второва были скорее исключением, чем нормой в среде градоначальников. Большинство его коллег были не столь гуманны. Весьма заурадным явлением, наряду со взятками и участием в различных коррупционных схемах, стали физические наказания, которые несанкционированно применяли полицейские начальники к представителям податного населения. Так, в 1821 г. бугурусланский городничий Н. Н. Самуйлович приказал высечь розгами дворовых людей губернской секретарши Соловьевой, задержанных за самовольную порубку городского леса. Примечательно, что сам городничий не раз фигурировал в делах, расследовавшихся палатой уголовного суда [10, д. 7667, л. 2 – 4 об.]. В 1824 г. бывший самарский городничий, а в то время бирский исправник С. М. Давлеткильдеев был отстранен от занимаемой должности за то, что применял к подозреваемым пытки. Он запер двух предполагаемых убийц в бане, где они только волею случая не отравились угаром [Там же, д. 8696, л. 5 – 6 об.].

Отметим, что в начале XIX в. вполне оправданным считалось наличие в каждой полицейской части колод и кандалов. В Симбирской губернии они были запрещены только в 1818 г. губернатором М. Л. Магницким [9, с. 44]. Одной из основных причин частого использования городничими насильственных методов для поддержания тишины и спокойствия на местах был низкий уровень правовой культуры как служителей правопорядка, так и самих горожан. При этом применение насилия со стороны власти воспринималось населением как норма, поскольку оно было встроено в уклад жизни самих горожан [5, с. 90].

Особенно часто конфликтные ситуации возникали во взаимоотношениях с выборной властью. Саранский полицмейстер П. Д. Сеченов жаловался своему пасынку В. Ф. Одоевскому: «Всего неприятнее то, что лежит собственно на моей ответственности... пожарная команда, инструменты, лошади и вся упряжь то здесь присвоено думе, и она полная распорядительница беспорядку, который здесь повсеместно распространен, а я за все отвечаю» [Цит. по: 34]. А. И. Куприянов полагает, что взаимоотношения между выборными городскими институтами и градоначальниками представляли собой системный конфликт, раскрывающий суть социально-политических установок центральной власти в дореформенной России [17, с. 36].

Отметим, что пренебрежительное отношение к выборным представителям со стороны градоначальников во многом предопределялось сословными стереотипами. Значительное число городничих было дворянами, которые были уверены в своей сословной исключительности. В свою очередь, купцы и мещане, особенно в крупных городах, например в Сызрани, не только не доверяли полицейским чиновникам, но и довольно успешно оказывали им сопротивление, приводившее к перемещению неугодного градоначальника на другое место службы [13]. Слова саратовского помещика В. А. Шомпулева как нельзя лучше подтверждают обозначенную тенденцию: «Бородатые, малограмотные из купцов городские головы... разъезжая по городской пыли и грязи, почему-то совсем не обращали внимания на благоустройство города... а полиция, кроме полицмейстера, который назначался в то время из заслуженных штаб-офицеров... была в страшном пренебрежении» [35, с. 44].

Отметим, что борьба с преступностью была далеко не основной задачей градоначальников. На первом месте в иерархии их обязанностей стояли вопросы, находившиеся отчасти и в юрисдикции городских дум: содержание пожарной части, благоустройство, забота об организации ярмарок, поддержание порядка в тюрьмах, профилактика пожаров и, конечно же, грамотное делопроизводство. Последнее, в силу административной практики, «было показателем эффективности работы полиции и вытесняло оперативно-правоохранительную сферу на задний план» [16, с. 16].

Добросовестное исполнение городничими своих обязанностей иногда поощрялось начальством. Так, в июне 1842 г. благодарности были объявлены карсунскому городничему Н. И. Богданову «за найденные в порядке журналы и денежные книги, равно и хорошее состояние пожарных инструментов», ардамовскому городничему А. М. Каткову и алатырскому городничему Н. И. Владимирову – за хорошее состояние тюремных замков и содержание арестантов [27, с. 151-152]. Непосредственно из правоохранительных мероприятий особо отмечались начальством поимка беглых, раскрытие притонов и задержание фальшивомонетчиков.

Имперский аппарат управления отчаянно нуждался в профессионалах, способных поддерживать в городе общественную безопасность и спокойствие, превратить его в визуализированный символ нерушимости власти и прогрессивного развития страны. При этом государство, неспособное обеспечить своим чиновникам достойный уровень жизни [6, с. 133], неизбежно толкало их на путь мздоимства и безнаказанности, закрывая глаза на «небезгрешные доходы», проступки и даже некоторые преступления градоначальников. Из 10 городничих, служивших в Оренбургской губернии, в середине 1840-х гг. 8 имели судимость либо находились под следствием. Примечательно, что большинство из них были аттестованы с отметкой «способен и достоин» и имели к тому же многочисленные благодарности [11, с. 37, 39]. Лишь самые жестокие, циничные и откровенно порочащие лицо власти преступления, совершенные градоначальниками, раскрывались, а преступники наказывались. Многочисленные виды надзора за деятельностью полиции (прокурорский, жандармский, губернаторский) нивелировались отсутствием действенной системы наказаний [16, с. 17].

Одним из способов предупреждения коррупции на местах была ротация кадров – перемещение градоначальников с одного места на другое под благовидными предлогами. Срок службы городничих в этот период в среднем не превышал 3-4 года, полицмейстеров – чуть более 5 лет. Многие городничие, проработав в одном городе, переводились на аналогичные должности в соседние уезды либо губернии. Так, сызранский городничий майор Я. Ф. Тимофеев в 1844 году был переведен на должность младшего полицмейстера в Саратов, а на его место был прислан по кавалерии майор И. В. Емельянов, ранее служивший в Воронежском батальоне военных кантонистов [28, с. 200]. Он сразу же проявил себя на новом месте как хороший специалист – обезвредил банду фальшивомонетчиков, за что был награжден орденом св. Станислава 2-й степени [29, с. 18]. Подобные перемещения были характерны и для полицейских служителей низшего ранга – частных приставов и квартальных надзирателей [26, с. 90].

Известным искателем «теплого места» был упоминавшийся выше отставной поручик П. Д. Сеченов, в 1830-е гг. служивший полицмейстером Саранска, городничим Сызрани, Ставрополя, Самары. Во время ревизии Симбирской губернии в 1835 г. Л. А. Перовским обнаружилось, что самарский городничий Сеченов, «употребляя во зло данную ему правительством власть», оказался повинен сразу в нескольких преступлениях. Под разными предлогами он вымогал взятки, самовольно отводил квартиры под постой, подделывал документы и присваивал деньги, предназначавшиеся для городской казны. В итоге Сеченов был отстранен от занимаемой должности и привлечен к суду [25, с. 248].

Впрочем, далеко не все градоначальники были столь циничными, как Сеченов. Многие из них тяжело переживали выдвинутые против них обвинения. В 1830 г. другой самарский городничий И. И. Соколовский был уличен во взяточничестве, хотя за 6 лет до этого ему была объявлена благодарность за хорошее состояние города лично Александром I во время посещения императором Самары [30, с. 93]. Бывший боевой офицер не пережил позора и покончил жизнь самоубийством [14, с. 173].

Наличие значительного числа дел, по которым привлекался чиновник, далеко не всегда было показателем его асоциального поведения. Зачастую небольшая провинность со стороны городничего могла закончиться для него большими неприятностями. Ярким примером данного тезиса является дело сызранского городничего Н. З. Софонова. В 1820 г. симбирский губернатор А. П. Умянцов попытался перевести его в Ардатов, а на его место назначить «благонадежного и с хорошей стороны известного чиновника» ардатовского городничего А. Н. Яцкого. Как говорилось в рапорте губернатора, Н. З. Софонов имел «строптивный и беспокойный характер», да к тому же проходил по 11 различным делам, в том числе уголовным. Главной же причиной перевода Н. З. Софонова был его конфликт с нечистыми на руку чиновниками, которым покровительствовал губернатор. В защиту городничего выступили горожане. Никита Зиновьевич пользовался доверием и авторитетом не только у выборных властей города, но даже у старообрядцев, приглашавших городничего на свои богословские прения [19, с. 181]. Два письма на имя министра внутренних дел были подписаны более чем 250 жителями города (подсчитано по: [24, д. 71, л. 6 – 11 об.]). Сам городничий в прошении на имя министра В. П. Кочубея объяснил свое стремление остаться в Сызрани тем, что перемещение в Ардатов бросает тень «на честь благородного человека», поскольку в контексте всех обстоятельств дела этот переход стал бы подтверждением его вины [Там же, л. 28 об.]. В противовес желанию губернатора Н. З. Софонов был оставлен на должности сызранского градоначальника, а дела, по которым он привлекался, были закрыты.

Самым нетипичным градоначальником был Иван Алексеевич Второв, служивший самарским городничим с сентября 1812 года по июль 1814 года. К моменту назначения на эту должность у И. А. Второва был довольно большой опыт работы в правоохранительной системе (разные должности в уездных судах Симбирской губернии) [23, д. 14, л. 1-2], что, кстати, крайне редко встречается в биографиях его коллег по цеху. Рано потеряв отца, уже в восемь лет он был принят на службу и помогал матери и сестрам [2, с. 14]. Не получив полноценной школьной подготовки, И. А. Второв всю жизнь занимался самообразованием, литературным творчеством и имел хорошие знакомства в писательской среде, включая И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина [1, с. 438, 442]. На формирование его нравственных ценностей огромное влияние оказала интеллектуальная гуманистическая традиция «эпохи Просвещения» конца XVIII – начала XIX века. На посту градоначальника И. А. Второв сумел проявить себя не только как чиновник, добросовестно выполняющий свои обязанности, но и как талантливый организатор, способный решать сложнейшие задачи по поддержанию правопорядка, имея в арсенале крайне скудные средства [23, д. 24, л. 251, 259]. Действия И. А. Второва и полковника Г. Н. Струкова позволили не допустить в 1812 г. масштабного бунта башкирских полков, стоявших в Самаре [Там же].

Во время пребывания в Самаре пленных «Великой армии» И. А. Второв сумел продемонстрировать самые лучшие душевные качества – способность сострадать униженным и слабым, готовность отступить от формальностей бюрократической системы ради человека [Там же, л. 259 об. – 277 об.]. Служба в полиции была тяжелым испытанием для Ивана Алексеевича и серьезно подорвала его здоровье. В итоге он вынужден был уйти в отставку с поста городничего.

В восприятии провинциального города дореформенной поры фигура городничего занимает, пожалуй, центральное место, являясь олицетворением властных отношений на местах. «Государственная власть, – писал Н. С. Лесков, – в народном представлении от первоисточника своего – монарха разветвлялась так: первое лицо в государстве – государь, правящий всем государством; за ним второе – губернатор, который правит губернией, и потом прямо за губернатором непосредственно следует третье – городничий, “сидящий на городу”» [Цит. по: 15, с. 23].

Формирование профессиональных групп, обеспечивающих интенсификацию городской жизни, являлось одной из важнейших задач социально-политического развития страны. Под профессиональной группой мы понимаем сообщество людей, объединенное одним видом деятельности, приносящим доход, требующим специальных знаний и навыков, формирующим особый стиль и образ жизни ее представителей [22, с. 60]. Профессионализация городнической службы протекала под значительным влиянием внешних обстоятельств и, в отличие от формирования учительского или медицинского сообществ, не сопровождалась специальной образовательной подготовкой. Превалирование организационных и административно-бюрократических задач над полицейскими обязанностями градоначальников свидетельствовало, с одной стороны, об относительно спокойной криминальной обстановке в городах региона, а с другой – о нежелании центральной власти передавать заботу о городе в руки местного самоуправления. Ответственными за развитие города власть предпочитала видеть бывших военных, нежели выборных лиц из «среднего сословия».

При этом в рамках одной профессиональной группы схожие условия существования, жизненные и профессиональные коллизии порождали совершенно противоположные коммуникативные стратегии. Большинство градоначальников двигало желание обеспечить себе и своей семье материальное благополучие либо удовлетворить стремление к господству в «своем» городе. В то же время в провинции существовал и другой тип полицейских чиновников, для которых ценностными ориентирами были личная честь, добросовестное выполнение профессиональных обязанностей и защита горожан во вверенном им уездном центре. Таким образом, можно констатировать тот факт, что в дореформенную эпоху городничие представляли собой аморфную профессиональную группу, которая не стала основой для формирования профессионального полицейского сообщества, важнейшим признаком которого является единый этический кодекс, негласно признаваемый всеми члена профессионального круга.

Список источников

1. **Артамонова Л. М.** Истоки провинциальной интеллигенции в симбирских записях дневника И. А. Второва (1791-1793 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 437-443.
2. **Артамонова Л. М.** «Учили меня еще во младенчестве»: принципы и традиции образования молодых дворян в XVIII столетии // Родина. 2010. № 11. С. 13-15.
3. **Белюсов С. В.** «Недаром помнит вся Россия». Пензенцы – участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии. Пенза: Приволжское книжное изд-во, 2004. 212 с.
4. **Бирюкова А. Б.** Полицмейстеры и городничие Поволжья – участники Отечественной войны 1812 года // Человек и общество в условиях войн и революций: мат-лы III Всероссийской научной конференции (8-9 декабря 2016 г.) / под ред. Е. Ю. Семенов. Самара: Самарский гос. техн. ун-т, 2016. С. 214-219.
5. **Бирюкова А. Б.** Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара: Самарский гос. техн. ун-т, 2009. 324 с.
6. **Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С.** Полиция Российской империи. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2018. 320 с.
7. **Воронов Н. А., Раздорский А. И., Чернышёва Н. С., Шилов Д. Н.** Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) / науч. ред. Ю. Н. Смирнов. СПб.: Российская национальная библиотека, 2015. 118 с.
8. **Гераков Г. В.** Путевые записки по многим российским губерниям [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gerakow_g_w/text_1820_putevye_zapiski_olderfo.shtml (дата обращения: 10.04.2018).
9. **Горбунов К. Е., Сиволяс И. Э., Жабалкин А. Ю.** Симбирские гражданские губернаторы: материалы к историко-биографическим очеркам. Ульяновск: ИПК ПРО, 2003. 192 с.
10. **Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).** Ф. 6. Оп. 4.
11. **Детнина Е. А.** Портрет уездного городничего Оренбургской губернии // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 52 (357). История. Вып. 62. С. 36-41.
12. **Евтехов Р. А., Паликова Т. В.** Основные этапы формирования городской полиции г. Верхнеудинска Иркутской губернии в XVIII – первой трети XIX века // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 1. С. 42-52.
13. **Зацаринный С. Г.** Сызранцы галантного века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.syzranhistory.ru/rut/book28.htm> (дата обращения: 08.11.2018).
14. **История Самары (1586-1917)** / под ред. П. С. Кабытова и др. Самара: Самарский университет, 2015. 480 с.
15. **Козлов А. Е.** Анекдоты о градоначальниках в провинциальном тексте русской литературы XIX века // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 1. С. 22-30.
16. **Кондалова Н. А.** Обеспечение внутренней безопасности и общественного порядка в российской провинции в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской губернии): автореф. дисс. ... к.и.н. Самара, 2015. 22 с.
17. **Куприянов А. И.** Культура городского самоуправления русской провинции. 1780-1860-е годы. М.: Институт российской истории РАН, 2000. 328 с.
18. **О учреждении особого Комитета для вспомошествования неимущим изувеченным генералам, штаб и обер-офицерам:** высочайший приказ армиям от 18 августа 1814 г. № 25642 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXXII.
19. **Павел (Леднев), архимандрит.** Полное собрание сочинений Никольского единоверческого монастыря настоятеля архимандрита Павла: в 4-х т. М.: Братство св. Петра, митр., 1897. Т. 1. 631 с.
20. **Полубояров М.** Таинственный К. и духовная жизнь крестьян [Электронный ресурс]. URL: <http://www.petrcity.ru/?s=ocherk20> (дата обращения: 07.11.2018).
21. **Пуле М. Ф. де.** Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник. 1875. Т. 119. № 9. С. 122-181.
22. **Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р.** Российский и европейский подходы к исследованию профессий – сближение перспектив // Профессиональные группы: динамика и трансформация / под ред. В. А. Мансурова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2009. С. 59-93.

23. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 93. Оп. 1.
 24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 2.
 25. Сиволюс И. Э. Сенаторская ревизия Л. А. Перовского и «Ревизор» Н. В. Гоголя: к определению места действия комедии // По царству и поэт: материалы Всерос. науч. конф. «Н. М. Языков и литература пушкинской эпохи». Ульяновск: Средневожж. научн. центр, 2003. С. 243-250.
 26. Симбирские губернские ведомости (СимГВ). 1838. № 11.
 27. СимГВ. 1842. № 29.
 28. СимГВ. 1844. № 40.
 29. СимГВ. 1845. № 5.
 30. Смирнов Ю. Н. Жителю коляски не худо ехать по воде. Путешествие Александра I на восток // Родина. 2011. № 7. С. 91-94.
 31. Тотфалушин В. П. Петровский городничий. Штрихи к портрету П. Быкова [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/gu/K/kotlyakova-nataliya-vladimirovna/ot-tarutino-do-maloyaroslavca/22> (дата обращения: 10.04.2018).
 32. Турьян М. А. Странная моя судьба: о жизни Владимира Федоровича Одоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17tehicheskie/651744-11-izdatelstvo-kniga-pisateli-pisatelyah-turyan-strannaya-moya-sudba-zhizni-vladimira-fedorovicha-odoevskogo-moskva-kni.php> (дата обращения: 08.11.2018).
 33. Фролова А. А. Псковские полицмейстеры первой половины XIX в. // Псков. 2013. № 38. С. 70-73.
 34. Хохолов Д. Е. Полицейские чиновники Екатеринбурга в первой половине XIX в. [Электронный ресурс] // Чиновник. 2001. № 1 (11). URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1143901> (дата обращения: 08.11.2018).
 35. Шомпулев В. А. Записки старого помещика. М.: НЛЮ, 2012. 360 с.

GOVERNORS AS A PROFESSIONAL GROUP: FROM LITERARY IMAGES TO REALIA OF PROVINCIAL EVERYDAY LIFE IN PRE-REFORM RUSSIA

Biryukova Anna Borisovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Samara State Technical University
annabir@mail.ru

The article analyses the sociocultural image of provincial governors of the pre-reform epoch, the majority of whom were retired military men. The author concludes on the partial conformity of governors' literary images to their real prototypes. By the material of the Middle Volga region and the Trans-Volga region it is shown that in the first half of the XIX century, governors affirmed themselves as a professional group but there was no professional law-enforcement community based on common interests, professional knowledge, and unified ethical standards.

Key words and phrases: police; governor's sociocultural portrait; pre-reform epoch; Middle Volga region and Trans-Volga region; professional group; provincial towns; governors' literary images.

УДК 947.8:725.578(470.23-282.247.131.2)

Дата поступления рукописи: 31.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.6>

В статье рассмотрен процесс эвакуации детей-беспризорников из блокадного Ленинграда в Краснодарский край и изучено положение детских домов в период фашистской оккупации на юге страны. Авторами на основе анализа данных учетных карточек воспитанников детских домов Ленинграда выявлена численность эвакуированных и места их размещения на Кубани. Отмечено, что ленинградские дети были расселены преимущественно в станицах Отрадненского района. Сделан вывод о том, что благодаря эвакуации, а также героическому подвигу работников детских домов и местных жителей большинство маленьких ленинградцев удалось спасти.

Ключевые слова и фразы: эвакуация; Великая Отечественная война; «Дорога жизни»; станицы Попутная, Передовая, Удобная, Надежная.

Давыдова Марина Юрьевна, к.и.н., доцент
Чибирикова Дарья Александровна
Волгоградский государственный технический университет
saami@rambler.ru; ms.chibirikova@mail.ru

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ДЕТСКИЕ ДОМА НА КУБАНИ В 1942-1943 ГОДАХ

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. явилась тяжелейшим испытанием для нашей страны, стоила жизней десятков миллионов людей, навсегда изменила судьбы сотен миллионов мирных граждан. Обратная сторона любой войны – страдания и гибель мирного населения, в силу обстоятельств оказавшегося на оккупированной противником территории или вынужденного бросить родные места, спасая свои жизни и жизни своих детей.